Наталья Троянцева. "Мой Высоцкий"

Автор: Ad memoriam
25.07.2015 13:02

Сегодня исполняется 35 лет со дня смерти Владимира Высоцкого...

Его песни я слушала с девяти лет. В городке, казалось, навсегда застывшем в исторических реалиях 16 века, с каменной площадью в центре, торговыми рядами и бесчисленными церквями, с кинотеатром в бывшей монастырской башне... На улице, где в окне одного из добротно выстроенных одноэтажных домишек из чужого магнитофона рвалось завораживающе: «Вы лучше лес рубите на гробы! В прорыв идут штрафные батальоны...» Или «Что нам слава, что нам Клава, медсестра, и – белый свет? Помер мой сосед, что справа. Тот, что – слева, ещё нет». И бесчисленные сусальные рассказы о пионерах-героях – доступные ребенку образы войны - окончательно меркли перед горькой правдой этого голоса.

Магнитофон был и у тёти, казанского эндокринолога. Высоцкий уже был известен и популярен в кругах провинциальной интеллигенции. Прелестная двусмысленность из «Песни студентов-археологов» запомнилась и забавляла: «...Он все углы облазил, и в Европе был, и в Азии, и вскоре откопал свой идеал, но идеал связать не мог в археологии двух строк, и Федя его снова закопал». Смешные сельские зарисовки, результат культурной революции - в антитезу бесчисленным кинематографическим свинаркам с трактористами: «...Был в балете. Мужики девок хапают. Девки – все, как на подбор, в белых тапочках. Вот пишу, а слезы душат и капают – Не давай себя хватать,

моя лапочка». И совершенно восхитительная апология животной зависти: «Мой сосед объездил весь Союз. Что-то ищет, а чего – не видно» с детальным описанием животной же подловатой мести: «...а вчера на кухне ихний сын головой упал у нашей двери и разбил нарочно мой графин. Я – мамаше счёт, в тройном размере! Ему, значит, рупь, а мне – пятак?! Пусть теперь мне платит неустойку! Я ведь не из зависти, я – так, ради справедливости! И только...». Самые эффективные уроки нравственности, ясные и ненавязчивые.

Я знала наизусть все сказки. «И наверняка ведь – прельстили бега ведьм...» «...Он жил на выпасе, возле озерка, не вторгаясь в чужие владения, но заметили скромного козлика и избрали в козлы отпущения». Удивительные обороты, уникальные и точные рифмы, глубина бесчисленных планов и – невероятная простота развития фабулы, всегда – интригующей. Помнила подробные портреты «передовиков» - «я вчера закончил ковку, я два плана залудил» - за каким-то лешим отправляющихся за границу, евреев, жаждущих и не могущих туда уехать «...он кричал – ошибка тут! Это я – еврей! А ему – не шибко тут, уйди, мол, от дверей!», контрабандистов, вызывающих искренне сочувствие в том, что «...Христа распятого в половине пятого не пустили в Буэнос-Айрес». «Канатчикову дачу» повторяла как Отче наш.

И впервые столкнулась с подробностями тоталитарного истребления, физического – в сталинских лагерях и морального – в брежневских психушках. «Я был и слаб, и уязвим. Дрожал всем существом моим. Кровоточил своим больным, истерзанным нутром...» Восставший внутри ада против этого ада: «И я через плечо кошу на писанину ту. – Я это вам не подпишу, покуда не прочту! - И чья-то желтая спина ответила бесстрастно: - А ваша подпись не нужна. Нам без нее все ясно.» Тогда это не столько воспринималось, сколько – запоминалось, как – непреложное, единственно возможное... Твердость противостояния. А главное – великодушная способность принять и понять того, кто – в таких же обстоятельствах, и – слаб, но - человек все же: «Конец простой – пришел тягач. И там был трос, и там был врач. И МАЗ попал, куда положено ему. И он пришел – трясется весь. А там опять далекий рейс... Я зла не помню, я опять его возьму».

Я не искала его записей, никаких усилий не прикладывала, чтобы услышать новое – его голос сам находил меня. В 85-ом друг семьи предложил напечатать на машинке стихи, которые он записывал от руки, где придется - и собрать книгу. До этого мы с мужем печатали «Мастера...» - двадцать пять рублей на черном рынке, не по карману, - поэтому согласились сразу. Но пока печатали, вышел сначала «Нерв», потом – двухтомник.

Однажды была на его концерте. В минуты особенного вдохновения он поднимался на цыпочки – этот жест выглядел таким беззащитным! Аудитория сразу же присвоила его – он позволял это безотчетно, «свой в доску» - с такой силы и масштаба талантом... А, присвоив, не церемонилась. Аплодировала бурно – но как-то снисходительно. И он быстро ушел, спев последнюю песню.

Обожание Высоцкого долго мешало мне воспринимать Окуджаву. Окуджава пел о себе. Высоцкий – обо мне (в будущем) и о каждом из нас, ныне и присно. Не будучи хрестоматийным, он был образцом стихосложения, и поэтому я и в шестнадцать

понимала – то, что я слышу, вижу и читаю – не поэзия. Писать, как пишут все – нельзя, писать, как пишет он – невозможно. Как и Уистан Хью Оден, он стеснялся говорить «я»; его «я» - это индивидуализированное «мы». «Я не люблю» - его первая попытка исчерпывающе высказаться от своего имени. «Я не люблю холодного цинизма. В восторженность – не верю. ... Я не люблю манежи и арены, на них мильон меняют по рублю...» А потом уже – «Я когда-то умру...» - и невероятно ясная картина того, откуда предстоит исход: «...и среди ничего возвышались литые ворота, и огромный этап, тысяч пять, на коленках сидел...».

Я не считала его своим учителем. Думала, что «вышла» как поэт из недр великой прозы – Достоевского и Фолкнера, Камю и Фриша, Шестова и Бубера. Сейчас понимаю – конечно, он, великий поэт Владимир Высоцкий благословил меня на творческое служение. Моя любовь к его слову была и остается таким же глубоко скрытым чувством, как и вера. Перефразирую Виктора Франкла: Высоцкий – самый интимный партнер в моих диалогах с собой.

Наверное, поэтому я пока не написала стих о нем.

Наталья Троянцева

Владимир ВЫСОЦКИЙ

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На берег тихо выбралась Любовь -
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было - сорок сороков...

И чудаки - еще такие есть -
Вдыхают полной грудью эту смесь,
И ни наград не ждут, ни наказанья, -
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же - неровного - дыханья.

Я поля влюбленным постелю -
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит - я люблю!
Я люблю, и значит - я живу!

И много будет странствий и скитаний:
Страна Любви - великая страна!
И с рыцарей своих - для испытаний -
Все строже станет спрашивать она:
Потребует разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить -
Они уже согласны заплатить:
Любой ценой - и жизнью бы рискнули, -
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Я поля влюбленным постелю -
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит - я люблю!
Я люблю, и значит - я живу!

Но многих захлебнувшихся любовью
Не докричишься - сколько не зови, -
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешан на крови.
А мы поставим свечи в изголовье
Погибших от невиданной любви...

И душам их дано бродить в цветах,
Их голосам дано сливаться в такт,
И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться - со вздохом на устах -
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мирозданья.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал, -
Потому что если не любил -
Значит, и не жил, и не дышал!